

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ACTUAL PROBLEMS OF LEGAL REGULATION

УДК 340.12; 347.6; 316.36; 314.32; 93
DOI 10.52575/2712-746X-2022-47-4-747-755

Традиционные семейные ценности и суррогатное материнство: неразрешимые проблемы совместного сосуществования

¹ Белова С.Н. , ² Строгович Ю.Н. , ³ Аристархов О.А.

¹ Вологодский институт права и экономики ФСИН России,
Россия, 160002, г. Вологда, ул. Щетинина, д. 2,

² Научно-исследовательский институт федеральной службы исполнения наказаний,
Россия, 125130, г. Москва ул. Нарвская д. 15а, стр. 1,

³ Струнинский медицинский центр,
Владимирская обл, Александровский р-н, 601672, г. Струнино, ул. Лермонтова, д. 15
E-mail: sveta_1610@list.ru, ustrogovich@vandex.ru, aristarhov.oleh@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрены проблемные вопросы соотношения морально-этических норм, скрепляющих традиционные для России семейные ценности, и некоторых правовых норм, регулирующих семейные отношения. Целью исследования является обоснование необходимости запрета на использование суррогатного материнства в Российской Федерации. Вывод: семейные отношения – это особая сфера правоотношений, в основе которых должны лежать морально-этические начала. Закрепление в Конституции РФ положения о том, что Россия сохраняет память предков и чтит те нравственные идеалы, которые они нам передали, а также принятие новой Стратегии национальной безопасности требуют пересмотра действующего законодательства в части применения технологий суррогатного материнства и поэтапного запрета на суррогатное материнство как не только противоречащего исконно присущим нашему народу морально-нравственным ценностям, но и не согласующегося с поправками в Конституцию РФ и принятой Стратегией национальной безопасности Российской Федерации.

Ключевые слова: суррогатное материнство, традиционные семейные ценности, материнство, отцовство, воспитание

Для цитирования: Белова С.Н., Строгович Ю.Н., Аристархов О.А. 2022. Традиционные семейные ценности и суррогатное материнство: неразрешимые проблемы совместного сосуществования. НОМОТНЕТКА: Философия. Социология. Право, 47(4): 747–755. DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-4-747-755

Traditional Family Values and Surrogacy: Unresolvable Problems of Coexistence

¹ S. N. Belova , ² Y. N. Strogovich , ³ O. A. Aristarhov

¹ Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal System of Russia,
2 Shchetinin St, Vologda 160002, Russian Federation

² Institute of the Federal Penal Service of Russia
15A, building 1, Narvskaya St, Moscow 125130, Russian Federation

³ Strunino Medical Center,
15, Lermontov St, Strunino 601672, Aleksandrovskii Dis., Vladimir Ob., Russian Federation
E-mail: sveta_1610@list.ru, ustrogovich@vandex.ru, aristarhov.oleh@yandex.ru

Abstract. The article deals with problematic issues to correlate moral and ethical norms that “hold together” traditional family values for our country and some legal norms regulating family relations;

issues of the permissibility of third parties' interference (through the introduction of new reproductive technologies) in such, in fact, sacred sphere of human relations as the mystery of the birth of a new person. The purpose of the study is to justify the need for a ban on the use of surrogacy in the Russian Federation. Conclusion: consolidation in the Constitution of the Russian Federation of the provision that Russia preserves the memory of ancestors and honors moral ideals and adoption of a new National Security Strategy requires a revision of the current legislation regarding the use of surrogate motherhood technologies and a phased ban on surrogate motherhood as not only contradicting moral and moral values intrinsically inherent in our people, but also amendments to the Constitution of the Russian Federation and the adopted National Security Strategy of the Russian Federation.

Keywords: surrogacy, traditional family values, motherhood, fatherhood, upbringing

For citation: Belova S.N., Strogovich Y.N., Aristarhov O.A. 2022. Traditional Family Values and Surrogacy: Unresolvable Problems of Coexistence. *НОМОТНЕТКА: Philosophy. Sociology. Law*, 47(4): 747–755 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-4-747-755

Введение

Внесенными в 2020 году в Конституцию Российской Федерации (далее – Конституция РФ) поправками были закреплены те основополагающие традиционные ценности, которые по сути и определяют основы нашего общества. Отметим в их ряду брак как союз мужчины и женщины, семью, материнство, отцовство и детство, достойное воспитание детей в семье. Вопросы защиты этих ценностей отнесены Конституцией РФ к совместно-му ведению Российской Федерации и субъектов Российской Федерации (ст. 72)¹. В свою очередь, в рамках решения этой задачи на федеральном уровне Правительство Российской Федерации уполномочено обеспечивать проведение единой социально ориентированной государственной политики, направленной на поддержку, укрепление и защиту семьи (и добавим от себя – ограждение от любого реального и потенциального вреда), сохранение традиционных семейных ценностей (ст. 114 Конституции РФ).

Очевидно, что вопросы сохранения и защиты традиционных семейных ценностей как важнейшей составляющей более широкого понятия – духовно-нравственных ценностей выходят на первый план и становятся предметом особого внимания со стороны государства именно сейчас, когда так называемый «цивилизованный мир» стремительно приближается к пропасти, отвергая и разрушая все, что на протяжении веков представляло для человечества несомненную и истинную ценность, насаждая так называемую «новую нормальность», в первую очередь, через слом традиционного института семьи, необратимое изменение представления человека о самом себе, его отношении к другим людям и окружающему миру в целом.

Наглядным подтверждением этому тезису служит недавно утвержденная Указом от 02.07.2021 № 400 Президента Российской Федерации новая Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (далее – Стратегия)², констатирующая, в частности, осознание обществом необходимости защиты и укрепления традиционных духовно-нравственных ценностей, которые позиционированы в качестве национальных интересов России на современном этапе. В ней также зафиксирована невозможность обеспечения национальной безопасности страны без успешного решения задач, обозначенных в рамках стратегических национальных приоритетов. Поскольку данный документ стратегического планирования, на наш взгляд, имеет первостепенное значение в том числе и в контексте рассматриваемого нами вопроса, остановимся на нем более подробно.

¹ Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020 опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации: <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.

² О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 // СЗ РФ. 2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.

Сбережение народа как одно из стратегических национальных приоритетов

В качестве одного из стратегических национальных приоритетов провозглашено сбережение народа, во многом базирующееся на поддержке семьи, материнства, отцовства и детства, воспитании детей, их всестороннем духовном, нравственном развитии. При этом в качестве одной из задач, решением которых обеспечивается достижение целей политики государства в этой сфере, названа задача по обучению и воспитанию детей и молодежи на основе традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

Защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти

Другим национальным приоритетом названа защита такой столь значимой для нашей страны триады, как неразрывно связанные между собой традиционные российские духовно-нравственные ценности, культура и историческая память. В этой части Стратегии сказано, что человечество столкнулось с угрозой утраты традиционных духовно-нравственных ориентиров и устойчивых моральных принципов; все более разрушительному воздействию подвергаются базовые моральные и культурные нормы, религиозные устои, институт брака, семейные ценности; абсолютизируется свобода личности, осуществляется активная пропаганда вседозволенности, безнравственности и эгоизма. Продолжающаяся по нарастанию ревизия основополагающих норм морали имеет своей целью причинение непоправимого ущерба нравственному здоровью человека. Россия рассматривает свои базовые, формировавшиеся на протяжении столетий отечественной истории духовно-нравственные и культурно-исторические ценности, нормы морали и нравственности в качестве основы российского общества.

В качестве основных присущих нам традиционных духовно-нравственных ценностей Стратегией названы, в частности, жизнь, достоинство, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, милосердие, справедливость, взаимопомощь и взаимоуважение. А их защита обеспечивается посредством решения комплекса задач, к числу которых относятся укрепление института семьи, сохранение традиционных семейных ценностей.

Что понимается под традиционными семейными ценностями?

Под традиционными семейными ценностями будем понимать совокупность принципов, культурных (в том числе религиозных) традиций, обычаев и правил поведения, исторически присущих данному обществу и связанных с созданием и жизнью семьи [Карнишина, 2017, с. 4].

Отметим, что традиционные семейные ценности российского общества сформировались, прежде всего, благодаря православию. В этой связи их нельзя рассматривать в отрыве от христианской православной этики и морали.

Очевидно, что исчерпывающего перечня традиционных семейных ценностей в российском законодательстве нет и, видимо, быть не должно; при этом частично они могут быть реконструированы с помощью соответствующих положений Конституции РФ, Стратегии, семейного законодательства и в соответствии с уже сложившимися этическими принципами, которые исторически составляли основу брачно-семейной культуры народов России и являлись «базовыми факторами устойчивости российской семьи, веками обеспечивавшими социальную и демографическую стабильность»¹.

Следуя ч. 1. ст. 38 и п. ж.1 ч. 1 ст. 72 Конституции РФ, в качестве ценностей можно определить семью, материнство, отцовство и детство, а также институт брака как союз

¹ Традиционные семейные ценности: в теории и на практике. 26 окт. 2015. Сайт РИСИ. Российский институт стратегических исследований. URL: <https://riss.ru/article/3464/> (дата обращения: 12.08.2020).

мужчины и женщины. Очевидно, что понятия «материнство», «отцовство» и «детство», а учитывая исторический аспект, и «брак» взаимосвязаны между собой и неотделимы от понятия семьи в целом.

На важности сохранения традиционных для России ценностей еще раз был сделан акцент в недавно принятых поправках в Конституцию РФ, где в ч. 2 ст. 67.1 сказано, что «Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохраняет память предков, которые передали нам идеалы и веру в Бога».

В данном случае упоминание о вере в Бога имеет принципиальное значение, поскольку Церковь всегда была морально-нравственным ориентиром для общества, стояла за сохранение традиционных духовно-нравственных ценностей, на страже семьи как оплота государства, «малой Церкви», где ребенку с рождения прививались самые важные установки как гражданина, патриота и будущего семьянина.

Право ребенка воспитываться в полноценной семье и знать своих родителей

Государственная политика Российской Федерации провозглашает приоритет именно семейного воспитания ребенка. При этом само понятие семьи, на что уже неоднократно обращалось внимание, в российском законодательстве не закреплено, нет общепризнанного определения данного понятия и в научной литературе. В толковом словаре русского языка В.И. Даля семья вообще: «совокупность близких родственников, живущих вместе; родители с детьми; женатый сын или замужняя дочь, отдельно живущие составляют уже иную семью» [Даль, 2002, с. 585].

В соответствии со ст. 2 Семейного кодекса Российской Федерации (СК РФ) членами семьи являются: супруги, родители и дети (в том числе усыновители и усыновленные), а в случаях и в пределах, предусмотренных семейным законодательством, другие родственники (например, бабушки, дедушки, внуки, внучки и т.д.) и иные лица (например, отчим, мачеха, падчерица, пасынок и т.д.)¹. Для ребенка семья – это прежде всего узкий круг, его отец и мать.

Несомненно и то, что ребенок должен появляться на свет именно от тех родителей, которые состоят в зарегистрированном браке как начальном союзе (в том числе для исключения впоследствии спорных ситуаций относительно установления происхождения ребенка), из которого затем уже «образуется союз семейный, родственник, народный и гражданский»². Обратим внимание, что именно такая последовательность (сначала супружество, а затем уже родительство) предусмотрена и в конструкции СК РФ: сначала идут разделы, содержащие нормы о браке, правах и обязанностях супругов, а затем уже раздел, посвященный правовым отношениям родителей и детей.

Более того, еще относительно недавно наше общество (в том числе и в советский период) негативно относилось к факту рождения ребенка вне брака, да и сами одинокие матери стеснялись своего положения. Сегодня ситуация в корне изменилась, и мать-одиночка уже воспринимается как обычное явление. Кроме того, с каждым годом все больше детей появляется на свет от лиц, не только не связанных между собой узами брака (по статистике Росстата за 2020 год из 1 436 514 родившихся 311 174 детей рождены вне брака³), но еще и в результате применения таких биомедицинских технологий, когда в процесс зачатия, вынашивания и воспитания ребенка вовлекаются не два человека, а три и более (например, при применении такой вспомогательной репродуктивной технологии

¹ Семейный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

² Шиманский Гермоген «О Таинствах. Таинство брака». 1 мая 2006 г. Сайт Православие.RU. URL: <https://pravoslavie.ru/2256.html> (дата обращения: 08.06.2020).

³ Демографический ежегодник России. 2021: Стат. сб. Росстат. М., 2021. 256 с. С. 68.

(ВРТ), как суррогатное материнство). При этом услугами суррогатной матери могут воспользоваться как пары, так и одинокая женщина при наличии медицинских показаний к суррогатному материнству (ч. 9 ст. 55 Закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ¹; п. 70 Приложения № 1 к приказу Минздрава России от 31.07.2020 № 803н²).

Государственного учета детей, рожденных суррогатными матерями, нет. По информации, представленной в СМИ, в российских загсах ежегодно регистрируется около 500 «суррогатных» детей. При этом, по оценке Европейского центра суррогатного материнства, в России в год рождается не менее 22 тыс. таких детей³. В общих чертах сущность методики суррогатного материнства сводится к тому, что суррогатная мать по договору (заметим, гражданско-правового характера) с заказчиками вынашивает оплодотворенную яйцеклетку, рождает ребенка и возвращает его заказчикам (заказчику). Таким образом количество лиц, участвующих в процессе «создания» ребенка, при применении такой вспомогательной репродуктивной технологии может достигать до шести человек (два донора половых клеток (для полностью бесплодной пары), суррогатная мать, ее муж и «юридические» родители ребенка). В этой связи ученые, политики, общественные деятели задаются справедливыми вопросами относительно не только правового, но и биологического статуса анонимных доноров половых клеток, в частности – могут ли они считаться биологическими родителями или это просто поставщики биоматериала?

Традиционно под термином «происхождение ребенка» понимается его кровное происхождение от конкретных мужчины и женщины, которое устанавливается по правилам, предусмотренным законом. По установленным законом правилам осуществляется и запись о родителях ребенка.

Ситуация с суррогатным материнством в этих правилах обозначена, однако вопрос о том, кто же должен быть записан матерью ребенка, рожденного по программе суррогатного материнства, однозначного ответа по существу не имеет, поскольку обусловлен согласием суррогатной матери. В абз. 2 п. 4 ст. 51 СК РФ сказано, что «лица, состоящие в браке между собой и давшие свое согласие в письменной форме на имплантацию эмбриона другой женщине в целях его вынашивания, **могут быть** записаны родителями ребенка только с согласия женщины, родившей ребенка (суррогатной матери)». Соответственно, при отсутствии согласия суррогатной матери генетические родители не могут зарегистрировать ребенка. Только суррогатная мать на момент рождения ребенка (несмотря на то, что она не состоит с ним в генетическом родстве – суррогатная мать не может быть одновременно донором яйцеклетки) обладает родительскими правами на него.

Причина такой неопределенности видится в вытеснении веками устоявшихся традиций из общественного сознания. В традиционном понимании понятие материнства всегда включало в себя две по сути неразрывные составляющие – биологическое материнство и социальное материнство. При этом базовой составляющей материнства всегда являлось биологическое материнство (способность женщины зачать, выносить и родить ребенка), а разрыв этих составляющих диктовался особыми, но при этом естественными обстоятельствами, как правило, смертью матери и повторным браком отца с удочерением ребенка, смертью обоих родителей и удочерением (взятием на воспитание) ребенка родственниками умерших [Воронина, 2018; Силуянова, 2017].

¹ Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 11.06.2022, с изм. от 13.07.2022) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

² Приказ Минздрава России от 31.07.2020 № 803н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» (Зарегистрировано в Минюсте России 19.10.2020 № 60457). Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 19.10.2020

³ Сайт Eurasianet.org. [Литвинцева Г. Россия – среди мировых лидеров по суррогатному материнству](https://russian.eurasianet.org/россия---среди-мировых-лидеров-по-суррогатному-материнству). 8 авг. 2018 г. URL: <https://russian.eurasianet.org/россия---среди-мировых-лидеров-по-суррогатному-материнству> (дата обращения: 02.07.2020).

В случае с использованием технологий суррогатного материнства перед нами встает проблема определения статуса лиц, участвующих в процессе появления ребенка на свет [Воронина, 2018], которая является не столько правовой, сколько духовно-нравственной, и решать ее следует именно с этой позиции. Подчеркнем, что Русская православная церковь в декабре 2013 г. на заседании Священного Синода уже высказала свое однозначное мнение о неприемлемости суррогатного материнства¹.

Позиция Церкви заключается в том, что одним из путей решения проблемы бездетности лиц, желающих иметь ребенка, но не имеющих такой возможности по медицинским показаниям, является усыновление ребенка по обоюдному согласию супругов. Обратим внимание: сегодня в России в банке данных на усыновление зарегистрировано 38 585 детей, желающих обрести мам и пап². Вместе с тем, по свидетельству экспертов, количество усыновленных детей с каждым годом снижается, а количество детей, рожденных по программам суррогатного материнства, увеличивается³. Причем до издания приказа Минздрава России от 31.07.2020 № 803н в программах суррогатного материнства заказчиком мог выступить также и одинокий мужчина. Для примера, в 2017 г. в Санкт-Петербурге родились 67 137 детей, 167 из которых были рождены суррогатными матерями. При этом 9 из 167 таких детей (0,0134 % от общего количества детей) рождены с использованием программы суррогатного материнства, в которых клиентом выступил одинокий мужчина [Медведская, 2018].

Сегодня, как это следует из ст. 51 СК РФ и п. 70 приказа Минздрава России от 31.07.2020 № 803н, договор о суррогатном материнстве может быть заключен между суррогатной матерью и потенциальными родителями либо одинокой женщиной.

В целом наличие матерей-одиночек, отцов-одиночек в обществе – четкий индикатор того, что институт традиционной семьи разрушается. В России нормой всегда считалась многопоколенческая семья, включающая бабушек, дедушек, маму, папу, детей и внуков.

Очевидно, что естественным и поистине необходимым для ребенка является наличие обоих родителей. То, в какой обстановке растет ребенок, что он наблюдает дома в детском и более позднем возрасте, когда место одного из родителей по тем или иным причинам замещается «партнером», да еще и того же пола, с большой вероятностью может привести со временем повзрослевшего ребенка к осознанию того, что образ такой «семейной» жизни является нормой. То есть у ребенка формируется искаженное представление о том, что такое семья, для чего она создается и что ее цементирует, каковы функции каждого члена семьи, в чем смысл продолжения твоего рода и о многом другом в этом ряду. Фактически из-под ребенка выбивается опора, фундамент – те самые традиционные семейные ценности, о которых он либо вообще не получает представления, либо получает искаженное представление, уводящее его все дальше от следования этим ценностям. На наш взгляд, использование технологий суррогатного и генетического материнства и обесценивает морально-нравственные основы материнства, и выбивает основание гармонии человеческих отношений⁴.

Ребенок, рожденный с использованием технологии суррогатного материнства, по сути лишается права знать своих родителей, поскольку определить, кто его мать и отец, в ситуации такой «многосубъектности» фактически невозможно. Также достаточно сложно определить и биологический статус людей, участвующих в процессе «создания» ребенка. Закон на этот счет устанавливает только границы возможного установления материнства:

¹ Основы социальной концепции Русской Православной Церкви, принятые Архиерейским Собором Русской Православной Церкви 13–16 августа 2000 г. М., Изд-во Московской Патриархии, 2000.

² Федеральный банк данных «Усыновление в Российской Федерации» URL: <https://xn--b1agisfqlc7e.xn--p1ai/children> (дата обращения: 06.08.2022).

³ Статистика суррогатного материнства в России и в мире. URL: <https://www.mrtexpert.ru/articles/476> (дата обращения: 01.07.2020).

⁴ Силуянова И.В. Включает ли «святость материнства» его суррогатность? Сайт Православие.RU. 22 дек. 2016 г. URL: <https://narod.pravoslavie.ru/99654.html> (дата обращения: 04.06.2020).

либо суррогатная мать, либо генетическая мать (при условии, что суррогатная мать дала на то согласие). В то же время «сама возможность применения ВРТ в России подспудно работает на расшатывание традиционных моделей семейных ролей, в том числе и материнства» [Воронина, 2018, с. 108], а сама по себе правовая сущность суррогатного материнства противоречит правовой сущности брака, который рассматривается российским законодателем как союз двух лиц (мужчины и женщины) (п. 3 ст. 1 СК РФ). В случае с суррогатным материнством, когда допускается вторжение в отношения супругов третьей стороны (хотя и по «доброй», казалось бы, воле), происходит нарушение исключительности брачных отношений, что ведет к обесцениванию института семьи, лишению ребенка права воспитываться в полноценной семье и знать своих родителей.

В этой связи юридическое закрепление родительства (в его традиционном понимании) предельно важно для возникновения семейных правоотношений. В традиционном понимании, на что мы уже обращали внимание выше, мать (биологическая) – это та женщина, которая зачала ребенка, выносила и родила. Социальная мать – это та женщина, которой ребенок был передан под опеку и попечительство в силу сложившихся обстоятельств, о чем было сказано выше¹. В случае с суррогатным материнством отказ матери от новорожденного «создается искусственно и намеренно, и наиболее циничным образом – по договору услуги на производство "качественного продукта"², а сам младенец в таких отношениях выступает как "неодушевленный объект, которому атрибутируются признаки товара и потребительские товарные свойства"» [Понкин, Понкина, 2017, с. 105.].

Развитие медицинских технологий невозможно вне этики, поскольку в основе медицины лежит милосердие и служение ближнему. «Но о каком служении ближнему можно говорить в случае суррогатного материнства, когда девальвируется материнство, а то общение между малышом и матерью, которое начинается задолго до рождения, приносится в жертву родительскому эгоизму заказчиков?.. Разумнее инвестировать деньги не в суррогатное материнство, каковое в рамках ЭКО-технологий дает довольно большой процент больных детей, а поддерживать те молодые семьи, что решились родить и воспитать детей»³. Кроме того, по сведениям ученых-медиков, опасность методов ЭКО состоит не только в высоком проценте детей с нарушениями развития (увеличение числа генетических aberrаций, мутагенных процессов), но и высоком риске онкологических заболеваний для женщин, решившихся на эту процедуру⁴. Во всем мире ежегодно диагностируется 200 тыс. новых диагнозов онкологического процесса и каждый пятый в мире ребенок умирает от онкологии. По мнению исследователей, ЭКО не может исправить демографическую ситуацию в стране. Эту проблему может решить только многодетность, а суррогатное материнство антигуманно и не соответствует идеям человечности⁵.

Необходимо также иметь в виду и то обстоятельство, что наврядли в полной мере будет понятен характер взаимной связи матери (в том числе и суррогатной) с развивающимся в ее утробе ребенком и то, к каким конкретно возможным последствиям (несомненно, отрицательным) для обоих приведет в последующем их разлучение.

¹ Силуянова И.В. 2017. Святость материнства – это материя любви. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://pravoslavie.ru/103071.html> (дата обращения: 04.06.2020).

² Ребенок «на троих» – суррогатное материнство. 29 апр. 2020 г. Сайт Церковь и биоэтика. URL: <http://bioethics.orthodoxy.ru/26-surrogatnoe-materinstvo/443-rebjonok-na-troikh-surrogatnoe-materinstvo> (дата обращения: 04.06.2020).

³ Першин Д., Головкин О. Суррогатное материнство запрещено в странах переживших фашизм. 14 ноября 2013 г. Сайт Правмир. URL: <https://www.pravmir.ru/surrogatnoe-materinstvo-zapresheno-v-stranax-perezivshix-fashizm/> (дата обращения: 23.07.2020).

⁴ Школяр Н. Урон здоровью при ЭКО, суррогатном материнстве, гормональной контрацепции. Доклад на III Гишпократовском медицинском форуме 2020 «Медицинская этика и демография». URL: <https://cosb-mp.ru/deyatelnost/vzaimodejstvie-s-nauchnym-soobshchestvom/rossijskie-mediki-zayavili-ob-opasnosti-eko-2> (дата обращения: 23.07.2020).

⁵ Союз педиатров России осудил суррогатное материнство и поддержал многодетность. 26 фев. 2020 г. // Сайт Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/russia/69672> / (дата обращения: 23.07.2020).

Заключение

Юридическое закрепление родительства (в его традиционном понимании) предельно важно для развития семейных правоотношений. В биологическом понимании родители – это те лица, которые зачали и родили ребенка. Основанием возникновения прав и обязанностей родителей и детей является происхождение детей от родителей, коими являются отец и мать, записанные в книге записей рождений в качестве таковых в отношении определенного ребенка (детей). В свете новых репродуктивных технологий юридическое понятие родителя может не совпадать с биологическим. Так, в случае с суррогатным материнством количество лиц, участвующих в процессе «создания» ребенка, может доходить до шести человек (два донора половых клеток (для полностью бесплодной пары), суррогатная мать, ее муж и «юридические» родители ребенка).

В этой связи возникают вопросы относительно не только правового, но и биологического статуса анонимных доноров половых клеток, – могут ли они считаться биологическими родителями или просто являются поставщиками «биоматериала»?

Еще одним не столько юридическим, сколько имеющим основополагающий, в определенном смысле онтологический характер, является вопрос о том, допустимо ли в такой по сути сакральной сфере человеческих отношений, как таинство зарождения и появления на свет новой личности, ее последующего развития и становления в качестве полноценного члена общества, рассматривать эти совершенно особые уникальные отношения между двумя людьми – мужчиной и женщиной – в качестве договорных отношений по покупке у третьих лиц (и, соответственно, предоставлению ими) неких специфических услуг и использовать для регулирования этих отношений нормы договорного права.

Несмотря на то, что предметом договора суррогатного материнства (как разновидности возмездного договора оказания услуг) являются, казалось бы, только определенные действия суррогатной матери (об обязательствах «заказчика» по оплате этих услуг речь сейчас не идет), результатом его исполнения, своеобразными «положительными последствиями» действий суррогатной матери является передача ребенка, который выношен и рожден суррогатной матерью (при условии ее согласия на передачу), заказчиком – то есть тем лицам, чьи половые клетки использовались для оплодотворения, либо одинокой женщине, когда вынашивание и рождение ребенка невозможно по медицинским показаниям. Таким образом, юридически ребенок в таких отношениях ничем не отличается от «живого товара» и выступает именно как объект товарно-денежных отношений, что прямо запрещено Конвенцией о правах ребенка (ст. 34, 35 Конвенции о правах ребенка; ст. 1 Факультативного протокола к Конвенции о правах ребенка, касающегося торговли детьми, детской проституции и детской порнографии).

Кроме того, на что уже обращали внимание исследователи, законодатель в ст. 55 ФЗ РФ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» рассматривает суррогатное материнство как один из современных методов лечения бесплодия у женщин. Лечение (син. терапия) – общее название различного рода мероприятий, направленных на восстановление здоровья¹. По программе суррогатного материнства невозможно восстановить репродуктивное здоровье женщины (вылечить бесплодие), соответственно, термин «лечение» к рассматриваемой методике не может быть применим.

Подводя итог сказанному, полагаем, что закрепление в Конституции РФ положения о том, что Россия сохраняет память предков и чтит те нравственные идеалы, которые они нам передали, в том числе веру в Бога, принятие новой Стратегии национальной безопасности требуют пересмотра действующего законодательства в части применения технологий суррогатного материнства и в конечном счете полного запрета (пусть и поэтапного) на суррогатное материнство как не только противоречащего традиционным, исконно присутствующим нашему народу морально-нравственным ценностям, но и не согласующегося с поправками в Конституцию РФ и принятой в соответствии с ними Стратегией национальной безопасности РФ.

¹ Энциклопедический словарь медицинских терминов: В 3 томах. М. Том 2. 1983. С. 115.

Список литературы

- Воронина О.А. 2018. «Новое» материнство: философско-антропологический взгляд. *Философская школа*, 6: 104–109. DOI: 10.24411/2541-7673-2018-10647.
- Карнишина Н.Г. 2017. Триада: национальная идентичность – государственная идеология – политическая культура в современной России. *Вестник Пензенского государственного университета*, 3(17): 3–6.
- Медведская А.Е. 2018. Правовые особенности оказания медицинских услуг, связанных с применением ВРТ одиноким мужчинам. В кн.: *Репродуктивные технологии сегодня и завтра. Сборник тезисов XXVIII Ежегодной Международной конференции Российской Ассоциации Репродукции Человека (5–8 сентября 2018 г., Уфа)*. Уфа, Медиа Сфера: 154–155.
- Понкин И.В., Понкина А.А., 2017. Достоинство и права ребенка на пренатальной стадии развития: Конституционно-правовой, медико-правовой и биоэтический анализ. М., Буки Веди, 132 с.

References

- Voronina O.A. 2018. “New” moternity: philosophical and anthropological view. *Filosofskaya shkola*, 6: 104–109 (in Russian). DOI: 10.24411/2541-7673-2018-10647
- Karnishina N.G. 2017. Triada: natsional'naya identichnost' – gosudarstvennaya ideologiya – politicheskaya kul'tura v sovremennoy Rossii [Triad: national identity – state ideology – political culture in modern Russia]. *Vestnik Penzenskogo gosudarstvennogo universiteta*: 3(17): 3–6 (in Russian).
- Medvedskaya A.E. 2018. Pravovye osobennosti okazaniya meditsinskikh uslug, svyazannykh s primeneniem VRT odinokim muzhchinam [Legal features of the provision of medical services related to the use of ART to single men]. In: Abstracts XXVIII Annual International RAHR conference «Reproductive technologies today and tomorrow». Ufa, Publ. Media Sfera: 154–155.
- Ponkin I.V., Ponkina A.A., 2017. Dostoinstvo i prava rebenka na prenatal'noy stadii razvitiya: Konstitutsionno-pravovoy, mediko-pravovoy i bioeticheskiy analiz [Dignity and rights of the child at the prenatal stage of development: Constitutional, medical, legal and bioethical analysis]. Moscow., Publ. Buki Vedi, 132 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалась.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 15.04.2022

Поступила после рецензирования 15.05.2022

Принята к публикации 01.06.2022

Received April 15, 2021

Revised May 15, 2022

Accepted June 1, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Белова Светлана Николаевна, кандидат юридических наук, начальник организационно-научного отдела ВИПЭ ФСИН России, г. Вологда, Россия.
ORCID: [0000-0001-7168-9747](https://orcid.org/0000-0001-7168-9747)

Строгович Юрий Николаевич, старший научный сотрудник НИЦ-1 ФКУ НИИ ФСИН России, государственный советник юстиции 3 класса, г. Москва, Россия.
ORCID: [0000-0003-1345-3220](https://orcid.org/0000-0003-1345-3220)

Аристархов Олег Александрович, главный врач ООО «Струнинский медицинский центр», г. Струнино, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Svetlana N. Belova, Ph.D. in Law, head of the Research Department of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal System of Russia, Vologda, Russia
ORCID: [0000-0001-7168-9747](https://orcid.org/0000-0001-7168-9747)

Yuri N. Strogovich, senior Researcher of the Research Institute of the Federal Penal Service of Russia, State Counselor of Justice of the 3rd class, Moscow, Russia
ORCID: [0000-0003-1345-3220](https://orcid.org/0000-0003-1345-3220)

Oleg A. Aristarhov, chief Physician LLC “Strunino Medical Center” Strunino, Russia